

Черная искра

Валлери МакКин

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Valerie McKean

Черная искра

<https://litres.ru/74042901>

SelfPub; 2026

Аннотация

Её сила — тьма, запертая в кольце.

Его сила — свет, который невозможно скрыть.

Их встреча в лесном озере — случайность.

То, что последует за ней — уже нет.

Содержание

Пролог.	5
Страна: Екиалдеа	5
Страна: Мендебалдеа	6
Страна: Хего	7
Страна: Егузка	8
Страна: Некрополис	9
Глава 1. Прыжок с головой.	11
Глава 2. Кто ты?	21
Глава 3. Кто я?	38
Глава 4. Плата за мир.	50
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Valerie McKean
Черная искра

Пролог.

Страна: Екиалдеа

Город: Баскс

Примечание: Дружелюбный народ.

Отличительные особенности: Карие глаза, темные/рыжие волосы.

Сила: Земля

Страна: Мендебалдеа

Город: Ура

Примечание: Мирный народ, но если их потревожить могут убить на месте не задавая вопросов.

Отличительные особенности: Желтые/карие глаза,
Светлые волосы

Сила: Вода

Страна: Хего

Город: Суа

Примечание: Скверный характер, опасный народ. Очень любят золото.

Отличительные особенности: Бронзовая кожа, очень часто на теле встречается много ожогов. Красные/ карие глаза.

Сила: Огонь.

Страна: Егузка

Город: Эгунсетиа

Примечание: Своенравный народ. Встретите их и лучший способ — бежать.

Отличительные особенности: Голубые / синие глаза.

Сила: Солнца и Ветер.

Страна: Некрополис

Город: Илунтас

Примечание: Никто никогда не видел людей из этого города.

На данный момент страна считается не существующей.

Отличительные особенности: В детских страшилках говорится, что у людей этой страны зеленые глаза.

Сила: Смерти.

После угнетения Егузка решила нанести свой удар по Еки-алдей. Половина города Баскс была сожжена. Пламя пля-

сало на белых стенах, точно безумный жонглёр, оставляя после себя лишь пепел и воспоминания. Возможно, Егузка использовала в качестве союзника Хего — или же им помог Великий Хорс. Но дым тогда стоял над Басксом густой, чёрный, и даже розы в садах завяли от одного его прикосновения.

Мирный договор будет подписан после летнего праздника. В качестве союза Екиалдейя должна отдать дочь короля в жёны королю Эгунсетии.

Иначе война не пощадит никого. Она придёт за каждым — за пряхами и рыцарями, за детьми и стариками, за теми, кто спрячется в погребе, и теми, кто встретит её с мечом на пороге собственного дома. А летний праздник всё ближе. И воздух уже пахнет не только мёдом и розами, но и чем-то горьким, что только предстоит назвать по имени.

Глава 1. Прыжок с головой.

Удар. Потом снова и снова. Кто-то явно вознамерился пробить мою голову, точно спелый гранат, но я отчаянно цеплялась за ускользящий сон. Ещё чуть-чуть, ну пожалуйста — шептало что-то внутри. Позвольте мне ещё мгновение смотреть на это небо, на ту невероятную синеву озера, в которой тонут облака, словно лепестки.

Лица я никогда не видела. Но глаза помнила всегда — те, в которых я тонула ночами напролёт, как в омуте, заросшем водяными лилиями.

— Что за маленькая чертовка! — голос прозвучал совсем близко, острый, как шип. — А ну быстро просыпайся!

Повышенные нотки и лёгкие пинки в бок заставили забыть о сладкой неге. Я наконец открыла глаза.

— Матушка! — прошебетала я тотчас, хотя в горле застряла терпкая горечь. — Который час?

Оплошность. Не нужно было задавать подобного вопроса. Ответ я знала и без слов.

Солнце вовсю светило в глаза — щедро, по-летнему, будто сыпало золотые монеты прямо на ресницы. Тело ныло от матушкиных «побоев» — если, конечно, можно назвать побоями эти лёгкие тычки, которыми она пыталась вернуть меня из мира грёз. Я уснула у входа в нашу маленькую конюшню. Всю прошлую ночь мне хотелось смотреть на звёздное

небо — и мечтать. Только мечтать. О невероятном.

— Кольцо! — матушка рывкнула так, что я подпрыгнула на ноги, точно ошпаренная.

— Конечно, оно всегда при мне, — я скользнула взглядом по правой руке, где красовался чёрный камень, пригвождённый кольцом еутси.

Говоря на нашем языке — кольцо, удерживающее силу. Ту самую, что живёт во мне с самого рождения. Глеет под сердцем, точно уголёк, завёрнутый в лепестки.

— Быстро собирайся и отправляйся на рынок. Мне нужны специи к ужину. И наруби дрова в лесу.

Матушка смотрела на меня всем своим видом — и в этом взгляде читалось больше, чем в любых словах. Её мягкое тело словно обратилось в камень. Ноздри раздувались шире обычного — верный знак: я точно оплошала.

Я перевела взгляд на чёрного коня. Он стоял в загоне и нетерпеливо постукивал копытом по деревянному полу — выбивал дробь, как капель по жести.

— Азкара можешь взять с собой, — бросила матушка, и уголки моих губ тут же поползли вверх. Значит, не так уж сильно она злится.

— Слышал, дружище? — я уже натягивала кожаную португую, закидывала в такой же рюкзак топор, нож и пару урре — ровно столько, чтобы хватило только на специи, ни монетой больше. — Нас ждут приключения.

Быстрыми шагами я подошла к лошадиной водопойке, за-

черпнула ладонями прохладу — и умыла лицо. Вода скатывалась по коже, как утренняя роса по лепесткам. Зашнуровав высокие ботинки, я наконец запрыгнула на Азкара.

— Абби, — матушка нарушила молчание, и голос её вдруг стал мягче — таким бывает шёлк, если долго держать его в руках. — Пожалуйста... только без глупостей.

— Всё будет хорошо. Я быстро, обещаю.

Я убрала с лица рыжую прядь — она выбилась из косы, точно непокорный побег дикой розы — шлёпнула коня, и мы двинулись.

Ветер обдувал моё лицо — ласковый, свежий, пахнувший утренней росой и чем-то далёким, ещё не случившимся. Наши соседи уже всюю работали в старой деревушке: кто-то возился с грядками, кто-то поправлял плетень, заросший диким виноградом. Я проезжала мимо каждого и махала рукой в знак приветствия — широко, от души, чтобы солнце блестело на запястье.

— Абисса, куда направляешься? — голос прозвучал слева, чуть хриловатый, до боли знакомый.

Сэм. Он стоял у калитки своего дома, запустив длинные пальцы в каштановые пряди — так он делал всегда, когда хотел казаться непринуждённым. Но я-то знала: это лишь ширма.

— В Баскс, я быстро, потом увидимся, — прошептала я и беззвучно поблагодарила Азкара за то, что он ускорил шаг. Конь точно чувствовал моё смятение и послушно прибавил

ходу, копыта застучали чаще, поднимая лёгкие облачка пыли.

Я не могла смотреть на этого парня. Не после всего, что между нами было. Наша деревушка маленькая — каждый слух облетает её быстрее, чем весенний ветер разносит пыльцу с цветущих яблонь. И многие уже успели нас друг с другом поженить, хотя никто и не спрашивал нашего согласия. Что ж, ему было уже двадцать шесть — возраст, когда в наших краях мужчины обзаводятся семьями, как деревья — плодами. А мне всего двадцать один. Я была ещё не готова к подобному. И тогда, в те тёплые вечера, когда мы сидели на крыше старой мельницы и наши тела переплетали друг с другом в пустоте, я думала, что мы просто дурачимся. Без обязательств. Без намёков на что-то большее. Никаких намерений на отношения, а уж тем более на брак, у меня никогда не было. И, кажется, не будет.

Ветхие дома тянулись мимо меня один за другим — разваленные временем, осевшие на один бок, но всё ещё тёплые. Из их дверей, скрипящих на проржавевших петлях, выходили бабушки и дедушки. Они опирались на узловатые палки и шурились на солнце, чтобы пожелать мне удачной дороги. Голоса у них были тихие, точно шорох сухих лепестков, но каждое слово ложилось на сердце невесомым благословением.

— Я скоро вернусь! — прокричала я, и эхо разнесло мой голос меж избами, словно брошенный в колодец камешек.

Я пришпорила Азкара и двинулась быстрее.

А потом лес распахнулся передо мной. Зелёные опушки открылись во всей своей красе — мягкие, пушистые, в утреннем свете они казались бархатным плащом, накинутым на плечи земли. Я выехала за предел деревни, и запах леса тотчас ударил в ноздри — терпкий, хвойный, с нотками влажной земли и прошлогодней листвы. Как легко на душе становилось в такие минуты! Когда можно отдаться навстречу ветру, лететь вместе с гривой Азкара и не думать ни о чём.

Кроме

Мысль снова вернулась к моим вечным снам. А может, это были видения? Но они точно никуда меня не вели. Я помнила только цвета — голубовато-синий, как само небо в самый ясный из дней. И глаза. Эти глаза, в которых хотелось утонуть снова и снова, словно в тихом озере, заросшем кувшинками.

Я ехала уже сквозь чащу — натопанную для удобства тропу, чтобы попасть в город. Лучи солнца пробивались сквозь кроны высоких деревьев, распадаясь на сотни золотых нитей, падающих на землю, точно веретена невидимой пряжи. Птицы пели — кто звонко, кто бархатисто, перебивая друг друга в вечном весеннем хоре. Рядом пробегали пушистые дикие кролики — такие упитанные, что можно было бы остановиться, бросить нож, и вот тебе готовый ужин на сегодня. Никакой магии, только ловкость рук.

Но матушка была бы зла. И она точно подумала бы, что я использовала свою силу — при том, что у меня был самый обычный нож за поясом.

Я вздохнула, поправила рыжую прядь, выбившуюся из-под кожаной португалии, и заставила Азкара ускориться. Конь всхрапнул, мотнул чёрной гривой и пошёл быстрее. Спустя час мы наконец выехали из глубокого леса.

И перед нами открылся Баскс.

Двор Ордена всегда славился своими специями — пряными, согревающими, как огонь, что тлеет в камине зимним вечером. Маслами, от которых кожа становится мягче шёлка. И нашими тканями из джута и абака — грубоватыми на вид, но такими прочными, что служат десятилетиями. Ещё наш порт сотрудничал с ближайшей страной — Екиалдеей. Именно оттуда привозили овощи, хрустящие и сочные, и разновидности фруктов, каких не сыщешь ни в одном другом королевстве. Гранаты, инжир, персики с бархатной кожурой — всё это пахло солнцем и дальними странами.

Я спешила на въезде, и Азкар нетерпеливо ударил копытом, будто спрашивая: Ну, куда дальше?

Спрыгнув с коня, я потянула за поводья и вошла в город через огромную каменную арку. Меня встретили шикарные дома — таких не увидишь в нашей деревне. Они были из белого камня, точно привезённого из самого Хего, — холодного на вид, но такого благородного, что дух захватывало. Некоторые особняки сложили из красного дерева, явно до-

рогого и прочного, с окнами, похожими на драгоценные шка-
тулки.

Мы с матушкой жили в нашем доме из дуба — крепкого, надёжного, но сквозь его стены всё равно пробирался зимний холод. Бывало, замерзали в маленькой комнатке. В те времена нас спасало только то, что мы двое не были такими большими — легко умещались на одной постели, прижавшись друг к другу, точно два лепестка в тесном бутоне. Хоть мой рост уже почти достиг ста семидесяти, матушка была ниже меня. Мы с ней оказались слишком разными, чтобы называться матерью и дочерью.

Она — моя полная противоположность. Волосы чёрные, как смоль, пышные формы, лицо настолько мягкое, что когда она злится, хочется только улыбаться в ответ — настолько её грозный вид напоминает рассерженного котёнка. В отличие от меня — с моими острыми чертами лица, рыжей непокорной гривой и взглядом, который, кажется, режет более всякого ножа.

На вопрос, почему же мы такие разные, я отвечу с камнем на сердце. Я приёмная дочь Марии Хариак. Она выкупила меня у торговцев, когда мне было двенадцать лет. Нас тогда привезли из западной страны Мендебалдеа — тёмной, незнакомой, навсегда оставшейся лишь смутным воспоминанием в углах детской памяти. Я наделала очень много шума в те дни — с магическим кольцом и тем, как не могла совладать с силой, что рвалась наружу.

В нашем мире, если ты пользуешься магией, значит, ты богат. А возможно — даже королевской крови. Но только не я. Не зная своих родителей, я использовала тёмную магию — ту, что люди обходят стороной, как заросшую терновником тропу. Мария запрещала ей пользоваться. Но как вы думаете, я послушалась? Конечно нет. В первые же дни я разрежала половину леса, когда хотела подчинить его себе. Палец зудел под кольцом, и я не могла сдержать то, что копилось внутри меня годами — чёрное, тягучее, жадное до свободы.

На моей памяти от меня пострадали пара птиц, дикий кабан и несколько кроликов. Матушке не нравилась такая охота — но питаться чем-то было надо. Она научила меня домохозяйству, но пряжу я так и не освоила. Прости меня, Великая Макошь. Матушка зарабатывала на жизнь именно пряжей и тканями, и я всегда любила наблюдать за тем, как она творит. Её пальцы порхали над нитями, точно крылья бабочки, и из-под них рождались узоры, которые могли рассказать сотню историй без единого слова.

Мои приятные мысли сбил гул голосов на центральном рынке. Я привязала поводья к ближайшему забору — старому, покосившемуся, но надёжному.

— Никуда не уходи, — я погладила мягкую шерсть коня, провела ладонью по его тёплой шее. — А если кто-нибудь захочет тебя украсть, может смело откусить ему нос.

Азкар только фыркнул и клацнул зубами в мою сторону — дескать, сам разберусь, не учи. Попрощавшись с другом,

я накинула на плечо рюкзак и направилась вперёд, туда, где воздух дрожал от запахов.

Невероятные ароматы защекотали ноздри — от них захотелось чихнуть, так густо и пряно пахло вокруг. Везде, на сколько хватало глаз, стояли мешочки и коробочки с приправами: жёлтый куркума, красная паприка, коричневая гвоздика, зёрна горчицы, похожие на крошечные камушки. Голова тотчас готова была лопнуть от этого изобилия. Хоть Орден и славится своими специями, терпеть долго эти прелестные, но такие острые запахи я не могла. Поэтому ноги сами направились в знакомую сторону — ту самую лавку.

Очередь из трёх человек заставила меня помяться в стороне, в надежде, что яростные покупатели быстро закончат и уйдут. Я переминалась с ноги на ногу, теребила край рюкзака и украдкой поглядывала на прилавок.

А потом я встретилась с карамельными глазами старика за прилавком. Он улыбнулся мне — такой тёплой улыбкой, от которой по его лицу расплзлись морщинки, точно солнечные лучи по утреннему небу. Маленькая шапочка съехала наверх, открывая седые волосы — мягкие, как одуванчики на ветру.

— Абисса! — голос его прозвучал мягко, как шорох страниц старой книги. Он почесал седую бородку и покачал головой. — Не зная тебя, я бы подумал, что ко мне ведьма пришла. Твои глаза с каждым разом становятся всё зеленее, а волосы горят точно огонь в камине.

— Дядюшка Эспе, — я с аккуратной нежностью сжала его ладони в своих — в знак приветствия, — мы когда-нибудь перестанем так здороваться?

Он подошёл чуть ближе, и от него пахнуло смесью кориандра, перца и шафрана — терпкой, тёплой, почти осязаемой пряностью, которая окутывала, точно шаль.

— Что на этот раз твоя мать хочет?

— Специй для мяса и овощей, пожалуйста, — ответила я, и сердце на миг сжалось от нежности к этому старому человеку, который видел во мне не диковинную рыжую ведьму, а просто девчонку. Девчонку, которую когда-то привели за руку в его лавку, чтобы купить первую в её жизни горсть корицы.

Глава 2. Кто ты?

Копыта отбивали землю — дробно, часто, словно сердце, готовое вырваться из груди. Мы неслись в самую глубь леса, туда, где кроны смыкались в зелёный шатёр и даже дневной свет становился густым, как мёд. Ничего, что опоздаю к обеде. Солнце всё пекло, заставляя на лбу проступать крошечным каплям пота — солёным, прозрачным, точно слёзы, которым не суждено упасть.

На руке поблёскивал чёрный камень. Это кольцо росло со мной. С моего ли рождения? Сколько себя помню, оно всегда висело на моём среднем пальце — тяжёлое, холодное, неумолимое, как обещание, которое никто не давал.

Всего один раз. Ничего же не случится? Если я всего один раз его сниму.

Я аккуратно потянула холодный железный круг вверх. Кольцо оторвалось от моей плоти — в прямом смысле слова. Кожа на миг потянулась за ним тонкой нитью, и где-то глубоко внутри что-то щёлкнуло, освобождаясь.

— Ах, какое облегчение, — произнесла я вслух, и голос прозвучал чужим — слишком низким, слишком древним.

Из пальца тотчас понеслись зелёные дымки — тягучие, ядовито-прекрасные, точно сок неведомого растения, что цветёт раз в сто лет. Перед глазами легла пелена изумруда, и я увидела мир иначе. Ярче, чем он был. Острее. Каждый

стук сердца маленького животного отдавался в моих ушах глухим барабаном, а под кожей мне чудились красные нити — пульсирующие, живые, несущие по венам горячую кровь.

— Прошу прощения, кого задену, — прошептала я, и тотчас раскинула руки в стороны.

Дымка полетела в разные стороны — змеями, копьями, лепестками. Она вырезала на деревьях прорези, точно от когтей дикого зверя. Глубокие борозды легли на вековые стволы, словно кто-то гигантским ножом провёл по коре. Где-то сбоку что-то упало. Бедная птица, которая попала в моё поле зрения — её пёрышки ещё сверкали на солнце, но сердце уже замерло навсегда.

Краем уха я слышала журчание и шум. Вода. Значит, я почти на месте.

Я натянула кольцо обратно — палец обожгло холодом, и мир словно потускнел. Краски поблёлкли, звуки приглушались, воздух перестал искрить. Так было всегда. Необходимо привыкнуть после выплеска силы, что ты возвращаешься в этот серый мир. Словно после яркого сна наяву — когда открываешь глаза, а вокруг всё такое же обычное, плоское, не стоящее того, чтобы просыпаться.

Я спрыгнула с Азкара, привязала поводья у ручья — вода здесь была прозрачной, холодной, пахла мятой и чем-то древним. А сама направилась в сторону, противоположную течению.

Через ветки деревьев, которые так и норовили порезать

мне лицо — острые, цепкие, точно пальцы завистливых старух — я наконец дошла до своей цели.

Выйдя на зелёную поляну, я снова улыбнулась сама себе.

Водопад лился с высоких холмов и глыб — не просто падал, а струился, точно жидкое стекло, разбиваясь о камни в тысячу сверкающих брызг. Вода была бирюзово-голубой: такой оттенок бывает у первых весенних цветов, что распускаются под самыми снегами, или у глаз русалок из старых баллад. В глубине она темнела до сапфира, а на мели светлела до аквамарина — переливалась, играла, приглашала. Солнечные лучи падали на водную гладь и рассыпались на сотни крошечных бриллиантов, танцующих на поверхности. Воздух над озером дрожал от влаги, и в каждом вздохе чувствовалась свежесть — острая, чистая, как первый лёд на губах.

— С такого вида великие художники должны рисовать свои картины, — прошептала я, не в силах оторвать взгляд от прекрасного чуда природы.

Вот что значит, когда твоя страна обладает силой земли. Вокруг трава зеленела в самый свой пик — густая, сочная, цвета изумруда и майской листвы. Она поднималась выше лодыжек, мягкая, точно шёлк, но упругая, как молодая пружина. Кое-где среди зелени прятались крошечные белые цветы — звёздочки, похожие на забытые кем-то монетки. А ближе к скалам стелился мох, бархатный и тёплый, так и манивший босые ступни. Пахло здесь разнотравьем, мятой, чабрецом и чем-то сладким — возможно, диким клевером,

что рос у самой кромки воды. Шмели гудели над цветами, неторопливые, сытые, и казалось, что само время замедлило здесь свой бег.

Посмотрев по сторонам — ни души, только птицы в небе да стрекозы над водой — я быстро стянула с себя португую. За ней рубашку, не расстёгивая пуговиц, через голову — ткань на миг задержалась на макушке, пахнув ветром и дорогой. Затем брюки. И нижнее бельё.

Кожа вздохнула свободно, встретившись с тёплым воздухом, и где-то под рёбрами разлилось щемящее чувство освобождения. Вещи я закинула за большой камень, поросший мхом — туда же отправился и рюкзак с ещё тёплыми мешочками специй. Я разбежалась. И прыгнула в воду.

Вода приняла меня — мягко, по-матерински, будто давно ждала этого возвращения. Я плескалась, лежала на спине, раскинув руки в стороны, и наблюдала за облаками, что проплывали выше деревьев — ленивые, белые, точно овечья шерсть, разбросанная по небесному лугу. Вода покачивала меня, убаюкивала, и мысли путались одна за другой.

Сэм.

То, что между нами было. Его неопытность. Моя. И наше слияние... Меня аж передергивает от воспоминаний. Тот вечер, пахнувший сеном и звёздами, когда границы между двумя телами стёрлись, оставив после себя только смутное, щемящее чувство, похожее на укол шипа.

— Нет, Абисса! — запротестовала я вслух, и голос эхом

ударился о каменные стены. — Даже не смей вспоминать этот позор!

Всего один раз попробовала, каково это — быть с женщиной. А он уже задумался о свадьбе. Словно поцелуй на сеновале и несколько неловких движений в темноте могли стать фундаментом для целой жизни. Глупость.

Я ударила ладонью по воде — брызги взметнулись вверх, сверкнув на солнце мелкими слезами — и направилась к водопаду. Прямо за него.

Любимая пещера. Моё укрытие. Моя тайна, о которой никто не знал. Прохлада обдала моё тело — не резкая, а ласковая, как дыхание спящего леса. Здесь пахло влажным камнем, чем-то древним и надёжным. Стены помнили не один мой побег от мирских забот.

Я опустила на гладкий камень, поджав ноги к груди, и снова прикоснулась к кольцу. Пальцы сами потянулись вверх — туда, где чернел холодный камень. Немного сдвинув круглешок вверх.

И я почувствовала ее.

Внутри поселился дикий холод — не тот, что от ветра или воды, а другой, чужой, липкий. На затылке зашевелились волосы, будто каждая прядь вдруг обрела собственный страх. Такое уже случалось со мной, когда в городе мимо нас проезжала карета королевской семьи. Это была магия. Чужая магия. Я быстро прижала кольцо на место — пальцы дрожали, камень обжёг кожу — и замерла, прислушиваясь к зву-

кам леса.

Птицы пели как прежде. Вода журчала. Но между этими звуками пряталось что-то ещё. Дыхание. Чьё-то чужое дыхание.

Резкий всплеск воды заставил меня вздрогнуть. Сердце подпрыгнуло и застряло где-то в горле. Я чуть не пискнула от страха — и только чудом удержала этот трусливый звук внутри. Слава Великой Макош, руки сами метнулись к лицу, зажав рот и нос так плотно, что даже дышать стало трудно.

Кто-то прямо сейчас плывал в моём озере.

Через полотно воды я видела человека. Он стоял ко мне спиной — плечи широкие, уверенные, тёмные волосы почти доставали до плеч, влажными прядями прилипая к коже. Велесова борода, да это был мужчина! Как я попала в такую ситуацию?

Он не двигался. Стоял и смотрел куда-то вдаль. Любуется пейзажем? Ищет что-то? Может хватит плескаться в моем озере и пора бы уже свалить?

Пока вопросы один за другим пролетали в моей голове, точно потревоженные пчёлы, мужчина наконец задвигался. И о Боги! Макош, задуши меня на месте! Он направляется прямо к водопаду.

Я всем телом прижалась к холодному камню — так, будто хотела стать его частью. Ноги поджаты, руки скрещены на груди, закрывая то, что никто не должен увидеть. Да что за ситуация?

Подумала я — и в тот же миг встретила с голубыми округлёнными глазами. Великий Хорс даже не видел настолько ясного неба, как то что творилось вокруг его зрачков. Что за удивительный цвет?

Вода продолжала бить его спину, но он будто не замечал. А я словно застыла, рассматривая резкие очертания лица: твёрдую линию скул, тёмную щетину, прямой нос и чуть припухшие губы. Почему-то именно на них мой взгляд заострил внимание дольше, чем следовало. Ему было на вид лет тридцать — может, чуть меньше.

— Нимфа, — его губы наконец разомкнулись, и голос — бархатный, низкий — прервал удушающую тишину. Он обволакивал моё тело приятными мурашками, от которых кожа покрылась гусиной.

Я заметила, как взгляд мужчины опускается по моему телу. Ниже. Ещё ниже.

Нога дёрнулась сама собой — и встретила с его носом.

Он полетел назад в воду — звонко, с громким всплеском, разбив бирюзовую гладь в осколки. Я не стала ждать ни секунды. Прыгнула в воду, загребая руками изо всех сил, стремясь к берегу, к одежде, к свободе.

Но мою ногу что-то резко дёрнуло назад.

Он серьёзно схватил меня за ногу? Сильная рука сжала щиколотку, и я проплыла с его силой обратно, к середине озера, будто ничего не весила.

— Какого Велеса ты творишь? — закричала я, развернув-

шись к нему лицом. Вода плескалась где-то на уровне груди, мне так казалось.

— Я думал, нимфы более дружелюбные, — он тёр переносицу, прищурив глаза от боли, и уголок моих губ предательски дёрнулся вверх. Ухмылка вырвалась раньше, чем я успела её спрятать.

— Водные нимфы живут в Мендебалдеа, глупый ты человек! — рывкнула я и сложила руки на груди.

Он проследил за моим жестом. Взгляд скользнул по согнутым локтям, по ключицам, по Я чуть глаза на лоб не выкатила, осознав, что стою по пояс в воде, открыв на показ всю верхнюю часть. А руки, сложенные на груди, только подчёркивают то, что должны были скрыть.

У парня дёрнулся кадык. И я почувствовала, как жар разливается по телу — откуда-то изнутри, не от воды.

— А ну быстро отвернись! — закричала я и стремительно опустила в воду по горло, оставляя на поверхности только голову и пылающие щёки.

Твою ж Прости меня, святая Макош, ибо я согрешила. И сейчас моё лицо находится на уровне пояса незнакомого мужчины. И я сквозь водную гладь вижу Я вижу всё.

Я резко отвернулась и загребала к берегу.

— Не смей меня преследовать! — бросила через плечо, чувствуя, как краска заливает не только щёки, но и шею, и уши.

— Скажи мне хотя бы своё имя, нимфа. — В его голосе

скользнула усмешка. — Я никогда раньше не видел подобных тебе.

Ему явно доставляло удовольствие моё смущение. Этот тон — ленивый, насмешливый — хотелось стереть с его лица.

— Отвернись, — процедила я сквозь зубы.

И стала аккуратно вылезать из воды. Он же — чтоб его черти драли — полез следом.

Мы стояли спинами друг к другу, натягивая одежду. Ткань липла к мокрой коже, пуговицы не слушались, а между нами висело напряжение — густое, как смола.

— Ты всегда так встречаешь незнакомцев? — спросил он за моей спиной. Беззлобно. Почти весело.

— Ты всегда врываешься в чужие озёра без спроса? — огрызнулась я, застёгивая португепю дрожащими пальцами.

— Озеро не может быть чьим-то.

— Это моё озеро.

— Ты живёшь в пещере?

— А ты всегда задаёшь так много вопросов?

— Только тем, кто пинает меня по носу.

— Заслужил.

Он хмыкнул. Я услышала этот звук — низкий, вибрирующий — и почему-то захотелось обернуться. И не обернуться одновременно.

— Если я скажу, что не жалею о нашей встрече, ты снова попытаешься меня утопить?

— Если ты немедленно не исчезнешь, я подумаю над этим вариантом.

— А имя? — Он не унимался.

— А пошёл ты, — ласково ответила я, закинула рюкзак на плечо и — не оборачиваясь — нырнула в кусты, скрываясь за деревьями быстрее, чем он успел сказать хоть слово.

Я бежала, низко пригибаясь, продираясь сквозь ветки, которые хлестали по лицу и рукам. Где-то за спиной слышались вибрации его голоса — он не пошёл следом. Или пошёл, но я не собиралась проверять.

Азкар уже ждал меня у ручья, нетерпеливо постукивая копытом. Я вскочила в седло не оглядываясь. Сердце колотилось где-то в горле. Щёки горели. И я поняла, что не спросила его имени. И что, кажется, хотела бы его узнать.

— Юная леди, ради святой Макош, скажи мне, где тебя черти носили? — матушка явно была зла.

Устрашало ещё больше то, что в её руке был кухонный нож. Она направляла его на меня, когда задавала очередной вопрос — резала им воздух, точно моего ответа ждало неведомое божество. А я так и не ответила до сих пор. Это напоминало мне прошлое. То время, когда я снова и снова проделывала то, что не устраивало Марию, и она так же кричала на меня — громко, отчаянно, с той любовью, что прячется за гневом.

— Я немного задержалась на рынке, — пробормотала я.

Ну что-то вроде правды? Да?

Перед лицом всплыла картинка. Мускулистого тела в шрамах и ссадинах. А эта щетина — о которую так и хотелось потереться, точно кошка об хозяйские ноги. Но, о Велес, глаза его я точно не забуду. А то, что я видела его полностью. И его реакцию на то, что я была рядом. Мне так и хочется

— Что за глупая улыбка? У тебя что, слюна течёт? — мамины слова выдернули меня из райско неважно откуда.

Никогда в жизни больше не смею вспоминать то, что произошло у озера. Никогда.

— Быстро в конюшню убирать! А после на огород — нужно собрать урожай.

— Да, матушка, — прошептала я, поправляя выбившуюся рыжую прядь. — Навоз ждёт.

Я улыбнулась во всю, показав зубы. Мария только закатила глаза — но я видела: она тоже улыбалась, когда отворачивалась от меня. Уголки её губ дрогнули, и в этом было что-то до боли родное.

К вечеру домашние дела были закончены. Отменно провонявшись лошадиным дерьмом и облившись потом, я вернулась в дом. Присела на скамейку у двери, облокотилась о деревянную стену и смотрела, как матушка готовит нам ужин.

Мы не жили бедно. У нас всегда была еда и новая одежда — благодаря тому, что Мария была прялкой. Но имелась у

нас одна-единственная комната. В углу — широкая кровать, застеленная льняным покрывалом с вышитыми васильками. В другом — нечто вроде кухни: грубый дубовый стол, исцарапанный за многие годы, два табурета, глиняные горшки на полках да старая печь, обложенная изразцами с трещинами, похожими на речные ручейки. Печь дышала теплом, потрескивала дровами и пахла дымком, яблоками и чем-то забытым. Над ней висела связка сушёных трав — мята, зверобой, чабрец — и маленькая иконка Макоши, вырезанная из дерева. Из единственного окна, затянутого пузырчатой плёнкой вместо стекла, пробивался оранжевый свет заката. Здесь пахло воском, хлебом и чуть-чуть шерстью — от матушкиных запасов пряжи, что лежали в углу на сундуке.

Наконец мы сели за стол. Удивительные запахи ударили прямо в нос: варёный картофель с морковью и свёклой — нарезанный крупными кусками и политый маслом, желтеющим на свету; слегка румяная курица с хрустящей корочкой; и, конечно же, вода с травами. Да, знаю — это чай. Но я терпеть не могла этот вкус. Горьковатый, терпкий, слишком правильный. Матушка же пила его с наслаждением, прикрывая глаза.

— Я слышала слухи, — начала Мария, отложив ложку.

— Какие ещё слухи? — я насторожилась, жуя картофель.

— Вся деревня говорит, что Сэм хочет сделать тебе предложение.

Картофель застрял в горле. Я закашлялась и потянулась к

кружке с ненавистным чаем — лишь бы промочить глотку.

— Что? С ума все сошли? — выпалила я, вытирая губы тыльной стороной ладони. — Мы с Сэмом это было разово. Случайно. Я же не собираюсь за него замуж!

— Он парень хороший, — матушка пожала плечами. — Работящий. Из приличной семьи.

— Матушка, мне двадцать один! Я не готова. И вообще я не хочу.

— А чего ты хочешь, Абисса?

Я замялась. Перед глазами снова мелькнули голубые глаза. Чужие. Опасные. И от этого почему-то стало ещё тошнее.

— Я хочу работать, — твёрдо сказала я. — Помогать тебе. Возиться с лошадьми. Может, на ярмарке торговать. Я сильная, я справлюсь. Не нужен мне муж, чтобы меня кормить.

Мария покачала головой. Её чёрные волосы скользнули по плечам, и она в который раз стала похожа на молодую девчонку, а не на женщину, вырастившую приёмную дочь.

— Исключено. Ты моя дочь. Пока я жива — будешь под моей защитой. Работа прялки приносит достаточно, чтобы мы обе не голодали. Никакой торговли на ярмарке, никакой тяжёлой работы в поле. Я не для того тебя вытащила из лап торговцев, чтобы ты теперь надрывала спину до седых волос.

— Но я не хочу сидеть сложа руки! — моя ложка звякнула о край миски. — Я хочу быть полезной. Я хочу я не знаю доказывать, что чего-то стою.

— Ты уже доказала, — голос матушки стал мягче. — Тем,

что жива. Тем, что не убила никого своей магией. Тем, что каждое утро встаёшь и идёшь чистить конюшню без жалоб. Но замужество — не наказание, Абисса. Иногда это спасение.

— Ты же не замужем.

— Я была. И потеряла мужа. И больше не захотела другого. Но это мой путь, не твой.

Я замолчала, уставившись в тарелку. Свёкла окрасила картофель в розовый — почти такой же, как лепестки утренних роз. Красиво. И всё равно противно.

— Если Сэм посмеет сделать предложение, — сказала я тихо, но твёрдо, — я скажу «нет». Даже если вся деревня будет надо мной смеяться.

Мария вздохнула — тяжело, по-матерински, — и пододвинула ко мне ещё кусок курицы.

— Ешь, — сказала она. — Завтра будет новый день. Может быть, он принесёт что-то, о чём мы ещё не догадываемся.

Я взяла кусок. И почему-то подумала о том, что этот «кто-то» уже сегодня принёс мне такое, о чём я точно не расскажу матушке никогда.

Я отодвинула пустую тарелку и подперла щеку кулаком, глядя, как матушка собирает со стола глиняные миски. Трещины на печи отбрасывали тени, похожие на ветви деревьев, и мне вдруг захотелось спросить о чём-то, что колыхалось в груди весь вечер.

— Матушка, — начала я осторожно, теребя край скатер-

ти, — а этот фестиваль он через два дня?

— Через два, — не оборачиваясь, ответила Мария. Она поставила миски в деревянное корытце с водой и принялась их мыть, шаркая тряпицей по глиняным бокам. — А что?

— Дядюшка Эспе говорил, что съедутся гости из разных стран. Что будет ярмарка, и музыка, и

— И ты хочешь туда пойти, — закончила за меня матушка. В её голосе не было удивления — только усталая насмешка.

— А можно? — я подалась вперёд, опираясь локтями на стол.

Мария вытерла руки о передник и наконец повернулась ко мне. В свете очага её чёрные волосы отливали медью, а глаза блестели — то ли от воды, то ли от чего-то другого, более мягкого.

— Я сама пойду на ярмарку, — сказала она. — Буду продавать ткани. Пряжа нынче хорошая уродилась, нельзя упускать такую выгоду.

— То есть — я не смела договорить, боясь спугнуть удачу.

— То есть, Абисса, — Мария упёрла руки в бока, — ты можешь остаться в городе и веселиться. Шататься по ярмарке, слушать музыку, глазеть на чужеземцев. Но с условием.

— С каким? — я готова была согласиться на что угодно.

— Чтобы к вечеру была жива, здорова и без магических происшествий. — Матушка подняла палец, точно учитель, наставляющий нерадивую ученицу. — Никакого сня-

тия кольца. Никаких зелёных дымков. Никаких разрубленных деревьев. Ясно?

— Ясно-ясно! — закивала я, и улыбка расплзлась по лицу, широкая, как весенний разлив.

Я вскочила из-за стола, обогнула его — и, не успела Мария и слова вымолвить, обхватила её за плечи. Прижалась щекой к её мягкому плечу, вдохнула запах пряжи, дыма и чего-то родного, домашнего, от чего щипало в носу.

— Спасибо, матушка.

— Фу, Абисса! — Мария поморщилась, но не отстранилась сразу. — От тебя разит конюшной и потом. Ты что, навоз в объятия решила притащить?

— Это я от любви, — прошебетала я, чмокнув её в щёку.

— От любви — в баню! — рявкнула матушка, но уголки её губ предательски дрогнули. Она легонько оттолкнула меня и указала на дверь. — И одежду смени. Воняет от тебя, как от старого козла. Иди уже, мыться. Слышишь?

— Слышу-слышу! — я уже пятилась к выходу, натягивая на плечи выдавший виды плащ.

— И кольцо не трогай! — крикнула она мне вслед.

— Не трону! — донеслось уже от порога.

Я выскочила на улицу, где вечерний воздух пах свежестью и далёкими звёздами. Сердце колотилось где-то в горле — от радости, от предвкушения, и от того, что через два дня я увижу город, полный огней, чужих лиц и может быть, даже кое-чего ещё.

О чём я тут же запретила себе думать.
Почти запретила.

Глава 3. Кто я?

— Как давно ты питалась? — спросила матушка.

Я убирала в конюшне, когда она настигла меня с очередным допросом — тем, что обычно выводил меня из себя. Питаться чужими силами. Да ещё стараться высасывать так, чтобы накопитель магии не почувствовал этого. Было слишком тяжело. Слишком мерзко. И слишком похоже на правду, которую я прятала даже от самой себя.

— Месяц или два назад, — ответила я, старательно делая скучное лицо. Словно мы говорим о картофеле, а не о том, что я могу кого-нибудь убить. Словно меня не задевает.

Я и правда не помнила. Только ощущения — наполнения, тягучего и тёплого, как мёд. И того холода, что зарождался под сердцем перед тем, как я чувствовала покалывание в пальцах. И запах полыни. Горький, терпкий, въедливый — он всегда приходил перед тем, как сила просыпалась.

— Абисса, — голос Марии стал ниже, — завтра фестиваль. А это значит, что тебе придётся быть аккуратной во всех смыслах этого слова.

Она пригрозила мне пальцем. Я поёжилась от этого жеста — не потому, что боялась, а потому, что слишком хорошо знала, что за ним стоит.

Я провела щёткой по чёрной шерсти Азкара, длинными, мерными движениями, и посмотрела на Марию снизу вверх.

Она стояла в проёме двери, заложив руки за спину, и в её глазах было то, что она никогда не говорила вслух. Я понимала: она переживает за меня. По-настоящему. Не за деревню, не за соседей, не за то, что скажут люди. А за меня.

Тело и правда требовало подготовки. Никакие физические тренировки не спасут меня от пересушки — или перегрева. Сколько бы я ни выпускала магию в лесу, это не сравнится с тем, как я впитываю в себя чужую силу. Там, во тьме, на грани, я чувствую себя живой. И мёртвой одновременно.

Но здесь нужен абсолютный контроль. Как только я заиграюсь, моя цель может в любой момент стать серым песком. Просто рассыпаться — и всё. Останется только одежда и пустота. И запах. Этот запах

Я зажмурилась и быстро повертела головой по сторонам, лишь бы не вспоминать прошлое. Но запах мёртвого тела забыть невозможно. Он въедается в кожу, пропитывает волосы, оседает на языке — и больше не отпускает тебя. Никогда.

— Всё будет в порядке, — сказала я громче, чем нужно. Голос дрогнул, и я поняла, что успокаивала этим больше себя, чем матушку.

— Мне пора к Сэму. У нас скоро тренировка.

Я встряхнула пыль с брюк, выпрямилась в полный рост и теперь возвышалась над Марией. Она была ниже — мягкая, тёплая, с чёрными волосами, собранными в тугий пучок. А я — рыжая, острая, колючая. Две противоположности, которые почему-то стали семьёй.

— Поговоришь с ним о свадьбе? — спросила матушка, и в её голосе скользнула улыбка.

— Только когда буду выбивать из него эту дурь, — ответила я, затягивая португею на поясе. Ухмылка победителя расплзлась по лицу, но внутри всё сжалось. Сэм. Свадьба. Нет. Только не это.

Я спускалась с пригорки, где стоял наш дом — единственный на этой стороне, окружённый старыми яблонями и кустами шиповника. Внизу, у мелких холмов, темнела крыша дома Сэмюэля.

Мы с детства занимались физической подготовкой. Матушка, когда только узнала о моей силе, поняла: тело должно быть крепким, иначе магия сломает его раньше, чем я научусь управлять. Помню, как впервые она смотрела на меня глазами, полными ужаса. Она поняла: моя сила не принадлежит ни одному двору. Ни одному королевству. Ни одной известной крови.

Я тогда была глупой девчонкой. И даже предлагала ей продать меня — торговцы дали бы хорошую цену за такое диковинное создание. Мария наотрез отказалась. Она сказала: «Отныне ты моя дочь». И я поверила. Впервые в жизни — поверила.

С тех пор моё тело становилось крепче. Упругость появлялась там, где раньше были только острые локти и колени. Моя грудь — тому доказательство, хотя матушка вздыхала, глядя, как я перетягиваю её португеей, вместо того чтобы

подчёркивать корсетами. Ноги были хорошо подготовлены — сильные, быстрые, в них чувствовалась сила дикой кошки. Руки не уступали: я могла держать топор часами и не чувствовать усталости. А если напрячься — на животе проступали кубики пресса. Чему я гордилась больше всего.

Матушка же хотела бы видеть во мне леди. Плавную, тихую, с опущенными глазами и руками, сложенными на коленях. Но она получила меня. С магией, от которой стынет кровь. Я усмехнулась своим мыслям и ускорила шаг.

Зайдя за дом, я направилась в сторону большого ангара — того самого, где мы обычно встречались в определённый час. В дверном проёме показалось движение. Я аккуратно приоткрыла створку и замерла.

Потрясающая картина открылась моим глазам.

Сэмюэль стоял ко мне полубоком. Кожаные ботинки, тёмные штаны, подтяжки, бессильно свисающие до колен — и ни рубашки. Он махал деревянным мечом вверх и вниз, отработывая удары, и капельки пота стекали по его накачанной спине, поблёскивая в лучах солнца, точно речные жемчужины. Каждое движение — плавное, сильное, хищное. Да, в нашей деревне он был первым красавцем. И он так сильно старался попасть в королевскую армию, что доводил себя до изнеможения.

Не совру: я тоже мечтала об этом. О форме. О мече. О том, чтобы доказать, что я не просто рыжая девчонка с неизвест-

ной магией. Но женщинам не место на войне, говорят старики. А матушка всегда повторяла, что я не «оружие», стоило мне лишь заикнуться об этом.

О Великая Макош, когда я уже перестану глазеть на полуобнажённых мужчин? Если так продолжится, я точно не выдержу. Я могла бы выйти замуж за Сэма. Он и вправду был красив. Карие глаза — цвета тёплого шоколада, того самого, что продают на ярмарке раз в году, густые, сладкие, манящие. Каштановые волосы, которые на солнце отливали бронзой. А как хорошо в них путались мои пальцы тем вечером

Так, стоп, Абисса. Ты не для этого пришла сюда.

— Может, ты перестанешь меня разглядывать и возьмёшь меч? — раздался насмешливый голос.

Я только сейчас заметила, что Сэм уже стоит ко мне передом, уперев руки в бока, а я так и не подняла глаза выше его пресса.

— Не нарывайся, — выдохнула я, и слова вышли на одном дыхании. О Боги. Ну что я за дура?

Он ещё и ухмыляется! На кой ему эта ямочка на щеке — такая глубокая, что хочется ткнуть в неё пальцем? Или губами? Абисса, твою ж

Я схватила деревянный меч, стоявший ближе ко мне, и встала в стойку. Дерево приятно легло в ладонь — привычное, надёжное.

— Ого, а кто это у нас злой? — Сэм склонил голову к плечу. — Что-то случилось?

— Не отвлекайся. Мне нужно выпустить пар, — ответила я и сделала первый удар.

Сэм с лёгкостью отбил мою атаку. Дерево звякнуло о дерево — сухо, звонко, и по рукам пронеслась знакомая вибрация.

Я атаковала снова. И снова. И снова. Меч рассекал воздух, но Сэм уходил от ударов, точно танцор, — плавно, почти лениво. Я наседала, вкладывая в каждое движение всю злость, всю боль, весь страх, что копился внутри.

— Ты сегодня не в форме, Абби, — заметил он, отбивая очередной выпад.

— Не называй меня так, — огрызнулась я.

— А ты не злилась.

— Я не злюсь!

— Тогда почему твой меч летит не туда?

Он был прав. Я промахивалась. Мысли путались, мешали: синие глаза, мокрая кожа незнакомца, кадык, который дёрнулся там, у водопада А потом тёплые глаза Сэма и его подтяжки, свисающие с бёдер.

— Ты не сосредоточена, — сказал Сэм спокойно, даже мягко. — Что с тобой?

— Всё в порядке.

— Не похоже.

Он наступал, я отступала. Его удары становились тяжелее, мои — всё более неуклюжими. Он явно сдерживался, но я всё равно проигрывала. Погружённая в непонятные мысли,

я пропускала удар за ударом.

— Абисса, — Сэм сбил мой меч в сторону, и я осталась без защиты. — Очнись.

Я бросилась вперёд — и провалилась. Он подставил подножку, и мир перевернулся.

Земля больно ударила в спину. В следующее мгновение Сэм уже сидел сверху, придавив меня весом, а его деревянный меч прижался к моему горлу.

Тишина.

Только наше дыхание — тяжёлое, рваное, слишком громкое в тишине ангара. Я смотрела в его карие глаза. Грудь его вздымалась. Моя — тоже. Пот стекал по его виску и капал мне на щёку — горячий, солёный. Между нами повисло напряжение. Слишком тяжёлое. Слишком липкое. Мы дышали друг на друга. В унисон.

Сэм медленно, очень медленно, наклонился ниже. Его нос коснулся моего — едва-едва, как первый снег, что боится растаять. Губы его были в двух пальцах. Сердце моё билось где-то в горле.

Не нравится.

Мне это не нравится.

— Сэм, — выдохнула я.

Он не ответил. Только прикрыл глаза.

И тогда я, собрав все силы, левой ногой упёрлась ему в живот и скинула парня с себя. Он отлетел в сторону, глухо стукнувшись спиной о землю, а я уже была на ногах — пыль-

ная, злая, сбитая с толку.

— Не надо, — сказала я тихо. — Не надо, Сэм.

Он поднялся, отряхиваясь, и в его глазах мелькнуло что-то — боль? обида? — но он быстро спрятал это за привычной полуулыбкой.

— Ладно, — кивнул он. — Ладно, Аббис. Как скажешь.

Я быстро задышала, пытаюсь унять дрожь в руках. Нужно было перевернуть эту ситуацию. Быстро. Пока он не спросил о том, о чём не стоит спрашивать.

— Слушай, — начала я, отводя взгляд, — тут этот фестиваль уже завтра Дядюшка Эспе говорил, что будет весело. Матушка всё равно идёт на ярмарку продавать ткани, так что я буду одна.

— И? — Сэм поднял бровь.

— И я подумала может, ходим вместе? Как раньше.

Он помолчал. Потом улыбнулся — той самой улыбкой, от которой у половины девушек в деревне подкашивались колени. С ямочкой. С теплотой. С чем-то, что мне совсем не понравилось.

— С радостью, — сказал он. Голос его был мягким, как масло, и от этого мне захотелось его стукнуть.

— Не смотри на меня так, — буркнула я, хватая меч.

— Как?

— Как будто ты уже решил, что это свидание.

— А разве нет?

— Нет, Сэм. Это два друга идут на фестиваль.

— Конечно-конечно, — он поднял руки в притворной капитуляции, но улыбка не исчезла. — Два друга. Я запомню.

— Ты издеваешься.

— Ни капли.

— Врёшь.

— Может быть.

Я закатила глаза, встряхнула мечом и встала в стойку.

— Продолжим, — рыкнула я.

— А ты не ударишь меня за то, что было до?

— Ударю. Обязательно. И не один.

Сэм рассмеялся — громко, открыто, и этот смех разлетелся по ангару, разгоняя остатки той странной, липкой тишины.

Он поднял свой меч.

— Ну, давай, Абисса. Покажи, на что способна.

Я бросилась в атаку — в этот раз злая, собранная, злая на себя, на него, на тот глупый момент, когда наши носы почти соприкоснулись.

Мечи застучали чаще, звонче, и я, наконец, почувствовала, как мысли уходят. Остаётся только бой. Только удары. Только дерево, пот и ветер.

После купания в бане я сидела у порога конюшни и всматривалась в ночное небо. Рядом лежал Аз — чёрной горой, тёплой, живой, пахнущей сеном и лошадиным потом. Он по-своему кряхтел, вздыхал, будто тоже о чём-то думал, и это размеренное дыхание успокаивало лучше любых слов.

— Каким Богам молиться, чтобы завтра всё прошло хорошо? — спросила я, повернувшись к коню, будто ожидала, что сейчас он ответит. Скажет что-то мудрое.

Азкар только толкнул своим мокрым носом меня в плечо — так, что я качнулась.

— Эй, парень, будь галантнее с дамой, — рассмеялась я и погладила его по лбу. Шерсть под ладонью была мягкой, чуть влажной, и я почувствовала, как напряжение отпускает.

На небе из-за огромных серых облаков вышла полная луна. Медленно, важно, словно королева, вышедшая на балкон поприветствовать подданных. Она разливала серебряный свет по земле — и трава стала белой, и крыша дома засверкала, точно крытая чешуёй дракона.

Я смотрела заворожённо. Не могла отвести взгляд. Луна будто говорила мне: «Ты справишься». Как бы странно это ни было, я поверила ей. Всею кожей, всем сердцем, каждой косточкой, что ныла после тренировки.

Я стянула кольцо с пальца.

Металл скользнул легко — почти сам, точно его кто-то снял изнутри. И я потянула руку вверх, будто хотела дотронуться до луны. До этого холодного, прекрасного, недостижимого круга.

Я не понимала своих же движений. Тело двигалось само — плавно, текуче, словно вода. Я встала на ноги. Заворожённая. Зачарованная. Не своей волей.

И тогда я почувствовала.

Всем телом. Каждой клеточкой.

Странное притяжение. Оно тянуло откуда-то изнутри — и одновременно извне, с неба, с луны, из Нави. Магия переливалась по телу, как тёплый мёд, как жидкий огонь, как дыхание древнего зверя, проснувшегося после долгой спячки. Глаза застелила зелёная пелена — и мир стал другим. Острее. Ярче. Живее.

И тогда я ощутила.

Кто-то прикоснулся к моей руке.

Не ветер. Не капля дождя. Нет. Чьи-то пальцы — прохладные, уверенные, настоящие — легли на мои, переплелись с ними. Я не отпрянула. Я не испугалась. Я прижалась сильнее, вцепилась в невидимую ладонь, чувствуя, как между нашими пальцами пробегают искры — зелёные, серебряные, неземные.

Я переплеталась с тем, кого не видела. Но чувствовала. Всей силой.

По щеке прокатилась мокрая слеза. Я не знала — от боли или от счастья.

А потом видение схлынуло так же внезапно, как и пришло.

Быстрыми движениями я натянула кольцо обратно. Металл привычно обжёг палец, запечатывая силу, гася изумрудный свет в глазах. Луна смотрела на меня по-прежнему — без магии, без невидимых пальцев.

— Я справлюсь, — прошептала я в ночь. — Обязательно

справлюсь.

Луна блеснула ярче, будто кивнула. Словно сказала: «Знаю. Поэтому ты здесь».

Я опустилась на землю, прижалась спиной к тёплому боку Азкара, и мы вместе смотрели на небо — девочка с магией внутри и чёрный конь, который ничего не боялся.

Завтра был фестиваль.

А сегодня была только луна, только вера и тайна, которую я унесла с собой в сон.

Глава 4. Плата за мир.

— Нет, моя дорогая, это не годится, — матушка уже долгое время бурчала на меня и вздыхала, глядя на то, что я собираюсь надеть.

Ей не нравились мои брюки, рубашки, а в особенности португея. Всё это, по её словам, годилось для конюшни или леса, но не для фестиваля.

— Для чего мне наряжаться, если я всё равно буду в плаще? — я правда не понимала этой необходимости.

Мария протянула ко мне нежную изумрудную ткань — ту самую, что я пару раз видела за её работой в доме. А следом — что-то непонятное, квадратное, туго перевязанное лентой.

Нет.

Нет, нет, нет.

Это был коричневый корсет с невероятно красивой красной вышивкой — ветки шиповника, переплетённые с мелкими цветами и ягодами. Острые шипы, нежные бутоны. Точно такие, какие растут у нас за забором.

Это она делала для меня.

Я почувствовала, как к щекам приливает кровь. Стыд? Смушение? Что-то тёплое и колючее одновременно, словно я сама превратилась в ветку шиповника.

— Зачем? — голос получился тихим, почти неслышным.

— Я сделала это для тебя, — сказала матушка так мягко, что я растаяла перед её тёмными глазами. — Примерь.

Матушка помогла мне надеть платье — с разрезом сбоку, аккуратно идущим от колена вниз. Хороший ход: в таком и бегать удобно, хотя если я применю переброс, мне и бежать не придётся. Квадратный вырез на резинке закрывал грудь, но я знала — это ненадолго, потому что корсет уже натягивался на моей спине, заставляя всё, что было под ним, вылезать выше, требуя воздуха.

Да она смерти моей хочет!

Спасибо, что были лёгкие рукава — длинные, чуть прозрачные, падающие на запястья. С ними платье не казалось мне вульгарным. Даже красивым, пожалуй. Я натянула ботинки, накинула на плечи коричневый плащ с большим капюшоном — и встала.

— Я готова, — сказала я, раскинув руки в стороны.

— Нет, — твёрдо ответила она и посадила меня на стул резким движением вниз.

О Велес, надеюсь, ты примешь меня в Нави, ибо она взяла в руки щётку для волос.

После долгих мучений — дёрганья, расчёсывания, шипения сквозь зубы — мои волосы наконец стали ровными. Гладкими, как шёлк. А от висков шли две маленькие косы, которые соединялись на макушке, оставляя остальную рыжую гриву свободно падать на плечи.

Признаюсь, матушка умела из самого ужасного сделать

нечто по-настоящему невероятное.

— Теперь ты точно готова, — она повернула меня к себе и посмотрела материнским взглядом — тёплым, долгим, изучающим. В уголках её глаз появилась влага.

— Так, без этого давай, — сказала я с улыбкой, хотя самой хотелось разреветься. — Нам уже пора.

Она вздохнула, смахнула непрошенную слезу и кивнула. Взяв все необходимые вещи, мы наконец сели на Азкара и направились в сторону города. Проезжая мимо домов, мы, конечно же, встретили Сэма. Он уже сидел на своём пятнистом коне — бежевая рубашка, тёмная жилетка и те самые, долбаные, брюки с висящими подтяжками.

— Я могу поехать на Азкаре сама, — заговорила матушка так, чтобы слышала только я.

— Это я хотела сказать тебе, — ответила я одними губами, а потом громче: — Привет, Сэм.

— Абисса мадам Хариак, — он серьёзно назвал матушку мадам? Вот идиот.

— Ну что ты, Сэмюэль, можешь просто звать меня Мари-ей, — пропела матушка, и я чуть не закатила глаза.

Может, она сама выйдет за него замуж? От этой мысли меня кинуло в дрожь. Ужасная. Выбросить и не думать о таком никогда.

— Абисса, ты превосходно выглядишь, — голос Сэма. Почему он такой бархатный? Фу, Боги, прекратите это, прошу.

— Спасибо, — прошептала я и легонько толкнула Азкара

пятками, заставляя ускориться.

План первый: свалить куда подальше от этих двоих. Чтобы одна занималась своей работой, а другой не пытался залезть ко мне под юбку. Или в мысли. Или ещё куда.

Мы уже ехали лесом. Матушка сидела сзади меня, и я чувствовала напряжение её тела — оно появилось в тот миг, когда она заметила, как я трогаю кольцо.

— Не глупи, — тихо сказала она мне в спину. — Это будет слишком заметно, если ты воспользуешься выбросом.

Я тяжело выдохнула и убрала руку.

Всю дорогу матушка твое дело общалась с Сэмом — о погоде, о тканях, о новых соседях. Мне не хотелось участвовать, поэтому я только иногда поддакивала их фразам и коротко отвечала на странные вопросы о хозяйстве.

Когда мы наконец доехали до города, мне пришлось сесть к Сэму. Ну конечно же.

Матушка повела нас в сторону площади, объясняя, куда можно идти, а куда не стоит. Ага, конечно. Думает, я послушаюсь? У меня наконец выпал шанс побывать во всём городе — и я точно не упущу эту возможность.

Я знала: севернее есть некая таверна, где разливают удивительные настойки. Дядюшка Эспе любил рассказывать о ней, прикрывая глаза и облизывая губы. И сегодня я собиралась проверить, правду ли он говорил.

Город встретил нас песнями.

Ярмарка жила своей особенной жизнью — шумной, пёст-

рой, хмельной. Воздух дрожал от музыки: скрипки плакали и смеялись одновременно, барабаны отбивали ритм, от которого ноги сами шли в пляс, а где-то в глубине площади звенели бубенцы и гудели медные трубы. Люди танцевали — кружились, хлопали, топали, обнимались, пили прямо из глиняных кружек, и пенящийся эль стекал по подбородкам. Вокруг горели магические фонарики — синие, зелёные, золотистые — они парили в воздухе, словно светлячки, освещая вечернюю дорогу мягким, живым светом.

Я замерла на краю площади.

Огромные каменные плиты под ногами помнили сотни лет торгов и праздников. А над ними — всё это море огней, красок, запахов. Копчёное мясо, свежий хлеб, карамель, цветы, пот и счастье. Всё смешалось в один пьянящий коктейль, от которого кружилась голова.

Я никогда не видела ничего подобного.

Матушка наконец остановилась у палатки — просторной, с полотняным верхом, украшенным вышитыми знаками. Лошадей оставили тут же, привязав к столбу, и она, не теряя времени, начала вытаскивать ткани — изумрудные, алые, синие, сияющие даже в сумерках.

— Веселитесь, — сказала она, не поднимая головы. — Только без глупостей, Абисса.

— Обещаю, — соврала я, уже натягивая капюшон глубже на лицо.

Матушка пожелала нам приятного вечера, бросив корот-

кий взгляд на Сэма — тот кивнул, принимая невидимую ответственность. Я же только сильнее запахла плащ, пряча рыжие волосы и свою неуместную зелень глаз.

— Пойдём, — сказала я первой.

И мы направились вдоль огромной аллеи из палаток.

О, Великая Макош.

Я вертела головой так, что шея заболела. Палатки тянулись в обе стороны — красные, синие, полосатые, расшитые, с колокольчиками и лентами. Продавцы выкрикивали товары: «Кинжалы из Хего, острые как слёзы дев!», «Амулеты от сглаза, от любви, от мужа-пьяницы!», «Яблоки в карамели — облизнёшь пальчики!».

Я остановилась, схватив Сэма за рукав.

— Ты только посмотри! — выдохнула я, показывая на кукольника, чьи марионетки танцевали под скрипку. — Они будто живые!

— Живее тебя, — усмехнулся Сэм, но я не обиделась.

— А это? — я дёрнула его к палатке с гирляндами сушёных цветов. — Пахнет как как рай.

— Ты сегодня какая-то слишком восторженная.

— А ты слишком ворчливый!

Мы прошли мимо кузнеца, который тут же выковывал на глазах у толпы подковы — искры летели во все стороны, и дети визжали от восторга. Дальше торговали сырами — целыми головами, жёлтыми, с плесенью, с орешками. Дальше — кожаные сумки, дальше — свечи, дальше — живые цып-

лята в клетке.

Я всё тянула Сэма, указывая то на одно, то на другое, и чувствовала себя маленькой девчонкой, которую в первый раз привели в большой мир.

— Ты как ребёнок, — заметил он, но без злости.

— А ты как старик, — парировала я, улыбаясь.

Но за улыбкой пряталось другое.

Наконец мы вышли на другую площадь — центральную, самую большую. Здесь огней было ещё больше, людей — ещё плотнее. Музыка гремела отовсюду, и в самом сердце площади танцевал целый водоворот тел, юбок, плащей, кружащихся пар.

Я встала у края. Капюшон по-прежнему скрывал лицо. Сэм стоял рядом, не мешая.

И тогда я приняла решение.

— Отвернись, — сказала я тихо.

— Что?

— Просто отвернись на минуту. Пожалуйста.

Он подчинился — нехотя, но подчинился. Я засунула руку под плащ, поднырнула пальцами нащупала холодный круг кольца.

И стянула его.

Память обожгла палец холодом, а потом — ничего.

Кольцо скользнуло в карман плаща. Тёмное, молчаливое, больше не сжимающее мою силу.

И мир взорвался.

Магия хлынула в меня — не постепенно, как бывало в лесу, а всей своей мощью, всей своей бездной. Она была повсюду. В каждом человеке, в каждом фонарике, в каждой искре кузнеца, в каждом ударе барабана. Тысячи нитей — голодные, сладкие, живые — тянулись ко мне, и я впитывала.

Я была так голодна. Голодна уже месяц. Голодна два. И теперь, когда плотина рухнула, я не могла остановиться.

Маленькие струйки зелёной пылицы — невидимые для чужих глаз — потянулись от моих пальцев к палаткам, к людям, к танцующим парам. Они находили свои цели: безобидные, крошечные утечки чужой магии, те, что никто не заметит, кроме таких же голодных, как я.

Я закрыла глаза.

Холод. Тепло. Сначала покалывание в кончиках пальцев, потом приятная тяжесть в груди, потом — одурманивающее спокойствие. Я делала выброс и вброс одновременно, балансируя на грани, чтобы никому не навредить. Только забрать капельку. Совсем чуть-чуть. Столько, сколько никто не почувствует.

— Ты красивая сегодня, — сказал Сэм где-то рядом.

Я кивнула, не открывая глаз. Мне было плевать. Музыка гремела, барабаны били, а я слушала только пульс чужой магии.

Но вдруг.

Вдруг я почувствовала Мощь.

Она была сбоку, в самом тёмном углу ярмарки, там, где

фонарики почему-то не горели. Сосредоточенная, тяжёлая, нестерпимо сладкая. Грех. Настоящий грех — пройти мимо такого.

Дымка сама потянулась туда.

Я не управляла ею — или почти не управляла. Она скользнула между ног танцующих, проползла под палатками, обогнула бочки с элем и устремилась к цели. Я чувствовала каждый её дюйм, каждое прикосновение к чужой коже, чужой силе.

И вот я дотронулась.

Кончиками пальцев — тех самых, что тянулись к небу вчера ночью. Я потянулась к этой силе, желая почувствовать её хотя бы на мгновение, хотя бы на кончике своего сознания.

А потом что-то дёрнуло.

Резко. Сильно. Будто кто-то схватил мою дымку за хвост и потянул обратно — грубо, нетерпеливо, хищно.

Я распахнула глаза. Всем телом повернулась в сторону мощной силы, которая только что была.

И мой взгляд встретился с ним. С синими глазами.

Твою ж Макош.

Сердце пропустило удар, а потом забилося где-то в горле. Тёмные волосы до плеч. Широкие плечи. Голубые глаза — те самые, которые смотрели на меня из-под водяной пелены. Тот самый. Из озера.

Здесь. На ярмарке. В трёх шагах.

Я замерла, не в силах двинуться. Дымка ещё трепетала между нами — зелёная, предательская, указывающая на меня, как краденый нож в руках вора.

Он смотрел. Он видел.

Как же я обложалась.

Бежать. Надо бежать.

Но куда?

Плевать. Лишь бы подальше от него. Лишь бы эти синие глаза перестали сверлить мне затылок. Лишь бы зелёная дымка, которая всё ещё вилась между нами, растворилась в воздухе, не оставив следа.

Я схватила Сэма за руку и натянула улыбку до ушей — так широко, что заболели скулы.

— Пойдём дальше, — сказала я, и голос прозвучал чересчур бодро даже для меня.

Мне явно нужно учиться скрывать свои эмоции. Лицо моё, наверное, было похоже на маску — слишком напряжённую, слишком весёлую, слишком фальшивую.

— Всё в порядке, Абби? — Сэм накрыл мою кисть своей ладонью. Тёплой, шершавой, успокаивающей. — Ты побледнела.

Да, подумала я. Правильно. Пусть думает, что мне плохо от духоты. Или от выпитого эля. Или от этого безумного количества людей. Пусть думает что угодно, только не правду.

Потому что правда выглядела так: меня только что спалили на месте преступления.

Это разве может меня уберечь от смертной казни? Я слышала, что магов Лау не судят. Их просто убирают. Как сорняки. Как бешеных собак. Потому что один маг Лау может выпить целый город за одну ночь, если сильно захочется.

А я только что тянула свою зелёную дымку к кому-то, чья сила была такой мощной, что у меня до сих пор ныли кончики пальцев.

И этот кто-то меня видел.

Я потянула Сэма в противоположную сторону — туда, где палатки стояли реже, где меньше людей, где можно затеряться в толпе и выдохнуть. Мы лавировали между праздными горожанами, обходили лужи пролитого эля, перепрыгивали через спящих собак.

— Абисса, ты куда? — Сэм едва поспевал за мной. — Там, в той стороне, мои знакомые могут быть. Кузнецы из Хего, я говорил тебе о них. Они должны были приехать на ярмарку, и я обещал

— Потом, — отрезала я. — Всё потом.

Мне было плевать на его знакомых. Плевать на кузнецов из Хего. Плевать на всё, кроме одного — убраться отсюда как можно быстрее с места преступления.

Но магия

Я всё ещё чувствовала её. Ту самую, манящую, тёплую, нестерпимо сладкую. Она осталась там, позади, в тёмном углу площади, где горели эти синие глаза. Она звала меня, тянула обратно, обещая ещё больше, ещё глубже, ещё голод-

нее.

Я сжала зубы и заставила себя идти вперёд.

Насколько же это были удивительные ощущения. Никогда раньше я не трогала такой силы. Она была как вино, которое пьёшь впервые — терпкое, горячее, ударяющее в голову с одного глотка. И меня спалили. Как кошку, которая сунула лапу в хозяйский горшок со сметаной и застыла с глупой мордой, не успев даже облизнуться.

— Абисса, стой!

Сэм остановился и помахал кому-то рукой. Я невольно проследила за его взглядом.

И увидела их.

Трое рослых мужчин — широкоплечих, бородатых, в кожаных фартуках поверх рубаш. Кузнецы. Точно. У них были руки, покрытые вьёвшейся копотью, и лица, обветренные северными ветрами. Рядом с ними стояли две объёмные женщины — в ярких платках, с кружками в руках, громко смеющиеся чему-то своему.

— Вот они! — обрадовался Сэм. — Пойдём, познакомлю.

Я посмотрела на него. Потом на его знакомых. Потом — краем глаза — в ту сторону, где оставила синие глаза.

Пульс всё ещё колотился где-то в горле.

— Пойдём, — сказала я тихо.

Знакомые Сэма странно улыбались ему — так, будто знали что-то, чего не знала я. Все они были похожи друг на друга: каштановые волосы, светлая кожа, тяжёлые руки. Значит

так выглядят жители Хего. Магии в них не чувствовалось ни капли. Обычные люди. Обычные крестьяне, пришедшие поглазеть на праздник из другой страны.

— Суеман, — кивнул тот, что помоложе.

— Ренви, — буркнул второй, постарше.

— Мередит.

— Эдна.

Женщины улыбнулись вежливо, мужчины пожали плечами. Ничего особенного.

— Твои глаза, — заговорила Мередит, и в её голосе скользнуло что-то похожее на опаску. — Никогда таких не видела.

Опять. Я слышала это всю жизнь.

Цвет глаз Некрополиса. Мира, которого не существует. Того самого, которым пугают детей на ночь: «Не будешь слушаться — придёт некромант из Некрополиса и заберёт тебя в Нави, где даже солнце не светит». Мёртвый зелёный. Болотный. Колдовской.

В загоне для рабов меня избивали из-за них. Старшие дети плевались, называя порождением тьмы. Охранники сворачивали мне руки, приговаривая: «Не смотри на меня, ведьма». Была пора, когда я ненавидела себя. Ненавидела своё отражение в воде. Ненавидела, что не могу быть как все — с карими или голубыми, тёплыми и живыми глазами.

А потом наступил день, когда я выкинула эти дурные мысли из головы. Не я выбрала свой цвет. Не я выбрала свою ма-

гию. Но это моё. И никто больше не посмеет заставить меня стыдиться себя. Каждый кто когда-то издевался надо мною поплатился сполна...

— Дааа...мне многие так говорят, — я улыбнулась спокойно и уткнулась в деревянный стакан с хмельной жидкостью.

Мы гуляли толпой. Я держалась чуть позади, в основном молчала. Слушала, как Суеман что-то рассказывает про урожай, а Ренви перекидывается шутками с Эдной. Мередит пару раз пыталась вовлечь меня в разговор, но я отвечала односложно и смотрела по сторонам — не в глаза.

Вокруг было на что посмотреть. Мимо проплывали палатки с украшениями — стеклянные бусы, серебряные подвески, гребни для волос с резьбой. Я задержала взгляд на одном — костяном, с вырезанным черепом — но не остановилась. Дальше жонглёры кидали в воздух пылающие факелы, ловили их за спиной, под смех и аплодисменты толпы. Дети визжали от восторга. Я почти улыбнулась.

Где-то в глубине площади продолжали бить барабаны, и я чувствовала их ритм подошвами ботинок. В висках стучало в такт. А в кармане плаща, там, где лежало кольцо, было холодно и тихо. Слишком тихо для такого вечера.

Потом мы наткнулись на мини-театр. Маленькая сцена, сколоченная из грубых досок, полотняный задник, расписанный охрой и сажей. Куклы. Нет, живые актёры в масках — разыгрывали представление. Я замерла, не в силах отвести взгляд.

Сначала показывали войну. На сцену вышли рыцари с гербом Егузки — солнце, но вместо лучей кинжалы. Острые, хищные, смотрящие в разные стороны, будто готовые вонзиться в любого, кто подойдёт слишком близко. А позади солнца виднелась луна — бледная, холодная, прищуренным глазом следящая за всем, что творится внизу. Герб мерцал в свете фонариков, то вспыхивал золотом, то заливался серебром, и от этого становилось не по себе.

Рыцари наступали. Полотняные домики взлетали в воздух, рассыпаясь в щепки. Актёры, изображавшие жителей Баскса, падали на колени, тянули руки к небу. Потом картина сменилась. Рыцари отступили. На сцене появились два короля — один старый, сгорбленный, в тяжёлой короне; другой молодой, в красном плаще, с мечом у пояса. Они тянули друг к другу руки, но между ними всё время вставал кто-то третий — чёрная тень, от которой веяло холодом.

— Мир будет заключён после летнего праздника, — голос рассказчика гремел над площадью, хотя говорил он почти шёпотом. — Екиалдейа отдаст дочь короля в жёны королю Эгунсетию. Такова цена.

Я смотрела на сцену и не могла отвести глаз. На подмостки вывели куклу — тоненькую, в белом платье, с длинными рыжими волосами. Принцесса. Её лицо было нарисовано — карие глаза, маленький рот, ни улыбки, ни слез. Просто пустота. Она шла, не оборачиваясь, туда, где ждал старик с короной.

— Она будет жить в чужой земле, — продолжал рассказчик. — Рожать детей. Молиться чужим Богам. А здесь, дома, её имя будут произносить только в молитвах.

Кто-то вскрикнул в толпе. Женщина в платке вытирала щёки кончиком шали. Я стояла, стиснув зубы. Внутри поднималось что-то тёмное, тяжёлое, колючее. Как тогда, в лесу, когда магия вырывалась наружу против моей воли. Жалость? Нет. Злость. Злость на этот мир, где девочку продают, как мешок зерна, и называют это «миром». Где никто не спрашивает её — хочет ли она. Где её тело становится монетой.

Бедная девочка. Я бы не смогла. Лучше сбежать в лес. Лучше сдохнуть в драке с кабаном. Лучше выжечь себя собственной магией, чем лечь в постель к старику, который даже меча в руках держать не умеет.

— Жесть, да? — тихо спросил Сэм, наклонившись к моему уху.

— Это ужасно, — ответила я. Голос не дрожал. Я научилась это контролировать.

Актёры раскланялись. Кукла-принцесса упала на подмостки, и кто-то из детей закричал: «Она умерла?» Мать зажала ему рот ладонью. Толпа захлопала. Женщина в платке уже не плакала — она улыбалась, хлопая в ладоши, как будто только что видела не трагедию, а счастливый конец.

Мередит вздохнула и сказала Эдне:

— Хорошо, что нас это не коснётся.

Я промолчала. Я смотрела на пустую сцену, где всё ещё

лежала кукла в белом платье, и думала: «А кто спрашивал меня, когда я оказалась в загоне для рабов? Кто спросил у той принцессы, хочет ли она спасти этот мир?»

Никто. Никто никогда нас не спрашивает.

— Пойдём дальше, — сказала я и первая двинулась прочь, не дожидаясь остальных.

Один из парней постарше — Ренви, кажется, махнул рукой в сторону, где гул стоял громче всего, и сказал:— Там уличные бои. Пойдёмте, поглядим.

Я впервые за весь вечер подняла голову и действительно обратила внимание. Сквозь барабаны и песни пробивался звон дерева о дерево, выкрики, одобрителный рёв. Уличные бои. Настоящие. Не тренировки на заднем дворе, где Сэм поддаётся, чтобы меня не расстроить.

Мне стало интересно. Но ещё больше я желала поучаствовать лично.

Мы наконец дошли до большого шатра — здесь криков было больше всего. Люди стояли вокруг каменного круга, по бокам натянутого сеткой из плотной верёвки, такой, какой завязывают узлы на кораблях. Узлы, которые держат мачты. Узлы, о которые может разлететься тело, при сильном воздействии. Я выдохнула, сбрасывая прошлое из воспоминаний.

Сбоку сидел мужчина с пергаментом и записывал желающих. А на арене уже двое мужичин месили друг друга деревянными мечами — глухо, тяжело, без капли изящества, но

с такой звериной силой, что у меня внутри разбушевался адреналин.

— Знал, что тебе это понравится, — прошептал Сэм, дотрагиваясь губами до моего уха.

По спине пробежал холодок. Неприятный. Не тот, от которого подкашиваются колени, а тот, от которого хочется двинуть локтем в солнечное сплетение. О нет, парень. У тебя сегодня ничего не выйдет. Я не в том настроении, чтобы таять от твоего дыхания.

Мужчины на арене дрались в шлемах от доспехов — лица не видно, только прорези для глаз. Это ещё сильнее тянуло меня попробовать себя. Никто не узнает. Никто не увидит лица. Только бой. Только удары. Только проверка — на что я способна на самом деле, когда не сдерживаюсь.

Я уже сделала шаг вперёд, когда Сэм дёрнул меня за плечо.

— Абби, не вздумай, — пригрозил он.

— Не указывай мне, Сэм, — я посмотрела на него так, что он на секунду замешкался. Лицо у меня было серьёзное, без тени улыбки. Без тени той девчонки, которую он знал с детства.

Он не выдержал. Закатил глаза. Вздохнул. Отпустил руку.

— Не смей рассказывать матушке, — бросила я на ходу и нырнула в толпу.

Быстрыми движениями я проскользнула к столу, где сидел мужчина с пергаментом. Он поднял на меня усталые глаза.

— Имя?

— Альбин Харк, — сказала я низким голосом, насколько могла. — Из Екиалдейи.

— Плащ и маску можешь взять там, — он махнул в сторону.

Я кивнула и направилась к подготовке.

Передо мной лежали несколько шлемов. Некоторые были в чужой крови — тёмные пятна на металле, которые никто не удосужился стереть. Я перевела взгляд дальше и увидела деревянную маску. Крестоносцы. Прорези в виде креста: полоска для глаз и вертикальная линия, идущая от лба до самого подбородка. Не слишком широкая, чтобы не заметить, кто скрывается за ней.

— Идеально.

Рядом валялся плотный чёрный плащ с потёртостями. Я закуталась в него, подняла капюшон, зафиксировала плотно, чтобы волосы были полностью прикрыты — ни одного рыжего завитка не торчало наружу. Маска легла на лицо как вторая кожа. Я вдохнула. Выдохнула. Повернулась к арене.

Толпа взревела, но я слышала только это. Дикая, мощная, нестерпимо сладкая волна магии. Она шла с арены, от того, кто сейчас стоял в центре, поднимая деревянный меч над головой победителя.

И по моим пальцам пробежала приятная колючесть.

— Это будет мой противник, — сказала я себе. Внутри всё пело.

— И снова выиграл непревзойдённый Илар! — закричал лысый мужчина, тот самый, что проводил турнир. — Следующим его противником будет Альбин Харк из Екиалдеи!

Я вышла на каменный пол. Взяла деревянный меч в руки. Приятная тяжесть давила на ладонь, разливалась по запястью, поднималась выше, к плечу. И я наконец почувствовала лёгкость. Ту самую, что бывает только перед боем, когда тело знает — сейчас ему не придётся сдерживаться.

Противник стоял напротив. Серебряный шлем скрывал лицо, но я не видела — я чувствовала. Его магию. Она пахла камнем после дождя и росой на траве. Свежая. Чистая. И такая мощная, что у меня перехватило дыхание.

Тот самый. Из озера. Он был здесь. Передо мной. И он меня не узнает. Я улыбнулась под маской и крепче сжала рукоять меча.

— Давай, Илар, — прошептала я. — Посмотрим, чего ты стоишь без своей магии. Я была готова. Голодна. И ни за что не проиграю.

На нём был чёрный камзон с золотыми нитями — дорогая ткань, плотно облегающая широкие плечи и грудь, подчёркивающая каждое движение. Брюки уходили в кожаные ботинки с тусклой металлической пряжкой. Никаких доспехов. Только маска-крестonosцы и этот камзон, который, казалось, светился в свете магических фонариков.

Я стиснула зубы. Неважно, кто он. Важно — победить.
— Начинаем! — крикнул распорядитель.

Илар двинулся первым. Меч в его руке летел тяжело — не так, как у Сэма, не плавно, а рубяще, с расчётом на силу, а не на скорость. Я отбила первый удар, и дерево заныло в моей ладони. Второй — отскочила в сторону. Третий — ушла вниз, пропуская дерево над головой.

Он был хорош. Опытен. Знающий, куда бить. Но я была быстрее.

Мы кружили по каменному кругу, и наши мечи встречались с сухим, злым стуком. Я наседала, он отступал. Потом он наседал — я уходила. Никто не уступал. Толпа ревела, но я не слышала. Только он. Только его дыхание за маской. Только запах его магии, который становился всё ближе, потому что мы сходились.

В какой-то момент мы оказались слишком близко. Мечи скрестились между нашими лицами, и я видела только его глаза сквозь прорези маски — синие, холодные, насмешливые.

— Ты дерёшься как девчонка, — сказал он тихо, почти ласково.

О, Боги. Он точно дразнил меня. Кольцо лежало в кармане плаща — тёмное, холодное. И он знал. Я не понимала, откуда, но он знал. Ставлю все деньги нашего дома, что он чувствовал мою магию. Чувствовал и дразнил. Кровь ударила в голову. Я взбесилась.

Меч в моей руке запел — я больше не сдерживалась. Удар, удар, и еще удар! Точные, быстрые, пропитанные яростью. Я

сдвигала его назад, к сетке, к тому самому морскому узлу, который держал арену. Он отбивался, но его шаги становились короче, неувереннее. Ещё удар — и его лопатки коснулись верёвок.

— Илар, неужели проиграет? — прокомментировал распорядитель, и в его голосе послышалось удивление.

Я замахнулась для последнего удара. И увидела.

Крапинки золотой пыли. Они струились от его пальцев, сжимающих рукоять меча, поднимались вверх, кружились в свете фонариков.

О, Боги. Он серьёзно использует магию? Прямо здесь? При всех?

«Только чтобы отвлечь тебя».

Я услышала его голос. Он не шевелил губами. Он не говорил вслух. Но слова прозвучали у меня в голове, чёткие, спокойные, уверенные.

И это сработало. Я замешкалась. Всего на миг. Но этого хватило.

Деревянный меч противника пролетел у моего лица так быстро, что я не успела среагировать. Но удар не предназначался мне. Он пришёлся по шлему и по капюшону плаща.

Ткань дёрнулась. Магия скользнула по дереву, поддела верёвки — и маска слетела. Плащ распахнулся, упал с плеч, задержавшись только на завязках у горла.

Я стояла перед всем шатром. Без маски. Без капюшона. Рыжие волосы рассыпались по плечам, платье с разрезом от-

крывало ногу.

Платье было напоказ. Тело — напоказ. Я черт возьми напоказ!

«*О, Боги*», — услышала я. Чей-то шёпот. А может, его снова.

— Сейчас!

Я не думала. Я просто сделала то, чему училась годами — ударила ногой в ту самую точку на колене, от которой подкашиваются ноги. Илар покачнулся. Я ударила ещё раз — и он упал на спину, гулко ударившись спиной о камень.

Я не медлила. В одно движение я оказалась сверху, зажав ногами его руки, прижав деревянный меч к его горлу. Он не сопротивлялся. Только смотрел на меня сквозь прорези шлема, и даже под серебряным забралом я чувствовала его улыбку.

— Привет, Нимфа, — промурлыкал он, и голос его прозвучал так, что мои ноздри вздулись, вдыхая аромат его магии, теперь перемешанный с цитрусами — будто кто-то разрезал апельсин рядом с мокрым камнем.

— И победитель у нас ээммм миледи, — распорядитель растерянно развёл руками. Имя-то было мужское. Альбин Харк.

Я замерла. Только сейчас до меня дошло, какую ошибку я совершила.

Мои волосы были у всех на виду. Глаза — тоже. Вся я — на виду, в этом дурацком платье с разрезом, с открытой шеей

и руками без защиты. Все вокруг молчали.

Десять ударов сердца. Двадцать.

Потом кто-то хлопнул в ладоши. Один человек. За ним — второй. А потом толпа взорвалась — они кричали от восторга, свистели, топали ногами, пока я сидела на этом мужчине сверху, прижимая меч к его горлу.

Я быстро вскочила.

Не глядя на него. Не глядя на толпу. Не глядя ни на кого.

Я рванула с арены, на ходу натягивая капюшон на рыжие волосы, пряча лицо от сотен глаз. Плащ хлопал за спиной. Ботинки стучали по камню.

Я бежала прочь от шатра, от криков, от его синих глаз.

На улицу, где воздух был холоднее. Где никто не знал, кто я.

Там, в темноте между палаток, я наконец остановилась, прижалась спиной к деревянному столбу и выдохнула — тяжело, рвано, как будто всё это время не дышала.

— Дура, — прошептала я себе. — Какая же ты дура, Абисса.

Я прислонилась к деревянному столбу, пытаюсь отдышаться. Сердце колотилось где-то в горле, лёгкие горели, а в голове всё ещё гремели крики толпы.

Я переводила дыхание, когда рядом со мной возникло скопление золотистой дымки. Она струилась в воздухе, переливалась в свете уличных фонариков, собиралась в причудливые узоры, будто кто-то невидимый рисовал кистью.

— Что за — не успела я договорить.

Перед моим лицом появился чёрный камзон, расшитый золотистыми нитями. Я подняла голову — и встретила с голубыми глазами, которые смотрели на меня с неким любопытством.

— Почему победитель сбегает, не получив свой приз? — спросил он.

Я вскинула подбородок, делая лицо равнодушным.

— Мне это не интересно. Но вы можете попробовать меня заинтересовать.

— Ваш личный слуга на остаток вечера, — он развёл руками, и на губах заиграла натянутая улыбка.

— Абисса!

Голос Сэма разорвал тишину. Я обернулась — он шёл к нам, за ним маячили остальные: Суеман, Ренви, Мередит с Эдной. Сэм выглядел растерянным и встревоженным.

— Абисса, ты в порядке?

— В полном, — ответила я сухо, поправляя капюшон.

— Мы видели — начала Мередит, но осеклась.

Илар не двигался с места. Он стоял, скрестив руки на груди, и смотрел на них сверху вниз — спокойно, почти лениво. А потом перевёл взгляд на меня.

— Позвольте предложить иной вариант, — сказал он, и в его голосе вдруг пропала насмешка. — Прогулка по городу. Без назойливой толпы.

Я замерла.

Сэм шагнул вперёд, открыл рот, чтобы что-то сказать — возразить, отказать, потребовать, чтобы этот странный тип оставил меня в покое. Но Илар опередил его. Легко, плавно, будто не замечая его напряжения.

— Я верну её в целостности обратно домой, — сказал он.
— Можете не беспокоиться.

Никто не произнёс ни слова. Сэм сжал челюсти. А я смотрела в синие глаза и вдруг поняла. Что не хочу отказываться? Я кивнула.

Илар протянул руку — ладонью вверх, не касаясь. Золотистая дымка закружилась вокруг его пальцев, спустилась ниже, обвила наши запястья, перетекла на плечи. Я сделала шаг. Ещё один. Моя ладонь легла в его тёплую, шершавую.

— До завтра, — сказал Илар Сэму, и в его голосе не было торжества. Только спокойствие.

Дымка сомкнулась вокруг нас — золотая, искристая. Мир закружился, теряя цвета. А когда они вернулись — ярмарка, огни, люди, всё осталось где-то далеко. Мы стояли на тихой улочке, где не было ни души. Только небо над головой, полное звёзд, и луна, похожая на серебряную монету.

— Ну что, нимфа, — Илар убрал руку, но золотая пыльца всё ещё кружилась между нами, — куда пойдём?

Я посмотрела на него и выдохнула, чувствую что это приключение затянет меня в путы из которых я точно не смогу выпутаться. И возможно не смогу выбраться живой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.